

—◆— Inrel —◆—

Верфи семьи Вергет

—◆— СТАНОВЛЕНИЕ —◆—

—◆— Книга I —◆—

18+

Inrel

Верфи семьи Вергет

«Автор»

2026

Inrel

Верфи семьи Вергет / Inrel — «Автор», 2026

Многие поколения мужчины семьи Вергет держали верфи. Одна из них являлась главной верфью королевства Колаэх, на которой строились военные корабли для страны. Но управлять верфями могли только мужчины, в то время как у женщин было лишь два пути. Первый — выгодно для семьи выйти замуж. Второй — пройти обучение в академии и стать магом, получив возможность работать наёмником, чтобы не нуждаться в деньгах семьи. Дитлев был вторым сыном и также имел во владении верфь, которой очень дорожил. Он женился по любви, но его жене не нравилось, что у их ещё не родившегося ребёнка нет даже выбора. Из-за частых ссор их впоследствии отправили жить в поместье, вдали от Алондела. Счастье в новом доме продлилось недолго, а несчастья накладывались одно на другое: беременность, смерть мужа, болезнь, и вот уже подросшая дочь, которой так и не дали выбора. Этерна теряет родных, остаётся в далёком поместье с долгами матери и с новым желанием — сделать всё возможное для восстановления отцовской верфи.

© Inrel, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Потерять частичку себя.	5
Глава 2. Обрести нечто новое.	16
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Inrel

Верфи семьи Вергет

Глава 1. Потерять частичку себя.

«Дорога жизни — словосочетание, которое для каждого может иметь своё значение. Но каждый из нас может быть вполне уверен, что способен на многое и многого может добиться. Однако как ощущает себя существо, у которого забрали одну из возможностей? Искоренили один из путей, решив, что так будет лучше.»

Холодный вечер семнадцатого дня сезона цветущей ветреницы, наполненный запахом озона, мокрых еловых веток и влажной земли. Ветер проносился сквозь сосновый лес, объединяясь с сильными волнами, бьющимися о скалистый берег, что находился недалеко от большого портового города Алондела.

Лишь в одном окошке старого поместья, находившегося на вершине скалы, горел уже будто затухающий огонёк света. Дождевые капли барабанили по стеклу, вторя крикам, доносившимся из-за него.

— Госпожа Вергет, я уже не раз говорила вам и вашему мужу, что моя дочь не пойдёт учиться в эту, всеми архангелами излюбленную, академию! Ну с чего вы взяли, что жизнью ребёнка можно так запросто манипулировать?!

— Я понимаю твои опасения, Гюльвейг. Но и ты пойми меня: девушки рода из раза в раз становились носителями силы Ордиса. Ей тяжело будет стать исключением.

— Лишь вы... лишь вы стали правда выдающимся магом из всех тех девушек рода! Я не собираюсь подвергать свою дочь такой опасности. Я уже говорила это вашему мужу и скажу ещё раз вам: не решайте за едва подросткового ребёнка, который всё ещё сам не знает, чего хочет! Вам было мало выгнать нас в эту глушь?! Мало смерти Дитлева?! Вы хотите у меня и её забрать?

— Нет... Гюльвейг, дорогая, я не собираюсь забирать её у тебя.

Пожилая госпожа хотела дотронуться до плеча женщины, но та лишь отмахнулась от неё. Гюльвейг отвернула нахмуренное и заплаканное лицо. Сейчас ей казалось, что у неё отбирают последнее право на жизнь, и она не готова была его отдавать.

— Не трогайте меня... Что вы ещё от нас хотите? — На выдохе, достаточно тихо произнесла молодая баронесса. В её голосе слышалось отчаяние, которое она, хоть и не хотела выдавать, уже не могла сдерживать.

Вильгельмина убрала руку. На её лице читалась горечь: она хотела помочь, но не знала, как будет лучше. Поправив манжеты своего платья, пожилая дама почувствовала, что на неё кто-то смотрит, и, повернувшись в ту сторону, заметила, что дверь в комнату приоткрыта.

Тяжело вздохнув, женщина сделала шаг к Гюльвейг, пока та куталась в тёплый шерстяной платок и пыталась сдерживать потоки слёз. Она то и дело вытирала их с лица аккуратной ладонью, на одном из пальцев которой до сих пор покоилось золотое кольцо, поблёскивающее в мягком свете свечи.

— Послушай. Я понимаю, что потеря Дитлева стала для тебя сильным ударом, и если сейчас заберут дочь в академию, будет ещё хуже. Я сама пришла, чтобы помочь разобраться с этой ситуацией. Если у малышки не будет магических сил, тогда и в академию её не примут.

Для Гюльвейг в комнате будто стало сильно холоднее, а по телу пробежали мурашки. Уже догорающий камин вспыхнул с новой силой, когда Вильгельмина протянула женщине открытую шкатулку, которую принесла с собой. Коробочка из тёмного дерева, покрытая изящными

узорами, таила в себе камень — казалось, обычную матовую, чёрную горную породу, даже не отражающую лунный свет.

— Что это, госпожа Вергет? Неужели вы собираетесь её убить?.. И это будет для вас освобождением? — До этого обессиленный голос стал горше и отчаяннее; в нём слышалась потеря надежды.

«Может, та попытка несколько лет назад была оправданной, раз сейчас мне предлагают нечто подобное?» — мимолётные мысли пронеслись в голове женщины, пока она пустым взглядом смотрела на камень.

— Нет... нет, нет, нет. Это артефакт. Мы проведём ритуал, пока ещё не поздно, пока волшебные потоки не наполнили её тело. С помощью него мы сможем запечатать всю её силу, и, если её магические каналы будут пусты, ни Энгельберг, ни впоследствии Сигвальд не смогут вам ничего возразить.

— Но не сделает ли это хуже Этерне?

— Возможно, первое время она будет чувствовать слабость, недомогание и головную боль... но не более. Потом привыкнет, и всё вернётся на круги своя. — Ровный тон голоса Вильгельмины заставил Гюльвейг немного успокоиться.

— Прошу вас... что угодно, лишь бы эти монстры не забрали у меня её. Я правда уже готова на что угодно. — Молящий голос сорвался громким всхлипом.

Что может быть отчаяннее просьбы матери сохранить спокойную жизнь дитя? Лишь мольба о сохранении жизни ему же.

Женщина упала на колени, сжав в руках платок и уткнувшись в него лицом. Из-за чего на шерстяной ткани начали появляться мокрые пятна от её непрекращающихся слёз. Приоткрытая до этого дверь с силой распахнулась и с громким стуком ударилась о стену.

— Мамочка!

В комнату вбежала девочка лет пяти с растрёпанными чёрными волосами и, обняв свою матушку, прижалась к ней сильнее. Гюльвейг обняла дочь в ответ. Этерна чувствовала холод рук матери и то, как они мелко подрагивали у неё на спине. Чуть отстранившись, она внимательно смотрела в её серо-голубые глаза, которые сейчас были чуть покрасневшими и опухшими.

— Всё хорошо, дорогая. Всё хорошо. Сколько раз я тебе говорила: не подслушивай мамнины разговоры с бабушкой? — Мягким касанием баронесса убрала прядь волос с лица Этерны и погладила девочку по голове. В её голосе уже не было силы из-за долгих криков и слёз.

— Но... вы так громко беседовали, что я проснулась и...

— Ничего страшного, Этерна, смотри. Бабушка принесла тебе кое-что интересное. Сможешь выполнить одну мою просьбу? — Пожилая женщина опустилась рядом с ними, показывая девочке закрытую шкатулку.

Юная леди с интересом начала рассматривать ботанические узоры, не переставая сжимать платье матери, а после закивала на просьбу Вильгельмины.

— Мы с тобой сейчас пойдём в другую комнату и проведём ритуал, но для этого мне нужны будут твоя помощь и согласие. Ритуал не страшный, он, наоборот, сделает лучше и тебе, и... — пожилая дама сделала небольшую паузу — твоей маме.

Долго смотря на Этерну, после последних слов Вильгельмина посмотрела на Гюльвейг с тоской, а её глаза были наполнены печалью.

Девочка задумалась, глядя в пол, а после подняла ничего не выражающий взгляд на бабушку и кивнула: — Если маме будет лучше, то, конечно.

Тёмные коридоры освещались светом канделябра, который несла одна из служанок поместья Вергет. За окном не прекращал бушевать шторм. Холодный ветер раскачивал деревья и

заставлял волны с силой биться о скалы, а капли дождя не переставали барабанить по окнам. Топот туфель по коридору стих, когда женская процессия остановилась возле одной из высоких дубовых дверей, ведущих в небольшую холодную гостевую комнату, где расположили Вильгельмину.

Положив руку на ручку двери, женщина обернулась. Строгость взгляда, устремлённого на Гюльвейг, казалось, пронизывала насквозь и отдавала чем-то очень неприятным, что заставляло женщину сильно тревожиться.

— Вам придется остаться за дверью, госпожа Гюльвейг. — Голос женщины будто стал свинцовым и настолько грубым, что даже баронесса вздрогнула от такой перемены.

— Нет... я...

— Вам нужно. Остаться за дверью, госпожа Гюльвейг. А также вас, Эльга, я тоже попрошу остаться вместе с госпожой. — Каждое слово было словно отчеканено, не давая и шанса сказать что-то против.

Служанка кивнула и встала неподалёку от двери, склонив голову, по всей видимости, ожидая дальнейших указаний.

Этерна, уже зашедшая в комнату, вздрогнула от холодка, пробежавшего по её спине, и повернулась к матери, вопросительно смотря на неё. Образ женщины сзади освещался иногда вспыхивающим светом от молний, голова была опущена, а на лице — смесь тревоги и страха. Её убранные в пучок растрёпанные русые волосы тоже светились от вспышек, придавая силуэту ещё более мрачный образ. Закрыв глаза и сжав в руках юбку платья, она заставила себя сделать пару шагов назад.

Это было последнее, что увидела девочка, — как перед ней закрыли дубовую дверь и повели в центр комнаты.

Бабушка поставила открытую шкатулку напротив неё. А юная леди наполненная любопытством потянулась к камушку, что лежал внутри. Однако её остановили, мягким жестом взяв за запястье.

— Пока не стоит. Может, когда-нибудь тебе ещё представится возможность коснуться его, но не сейчас.

Женщина отпустила ручку девочки и, переместив свои руки на её плечи с силой сжала, направляя в сторону, чтобы та стала в нескольких шагах от шкатулки. Опустившись на колени напротив Этерны, Вильгельмина погладила внучку по плечам и крепко обняла.

— Всё будет хорошо, не бойся. Что бы ни случилось, как бы больно ни было, знай, что это во благо. Думай о маме, которой это принесёт покой, и ни за что не уходи с места. Договорились?

Внутри девочки всё перевернулось и упало вниз. Только сейчас, после слов бабушки о боли, она почувствовала страх, который сковывал всё тело и не давал сделать и шага с места. Руки Этерны задрожали и крепко сжали одежду единственного оставшегося в этой комнате взрослого. Казалось, если она сейчас отпустит её, то произойдёт что-то очень страшное и непонятное, отчасти это было правдой. Вот только женщине пришлось отпустить, и это ощущалось как полное одиночество — в холодной комнате, со штормом за окном и Вильгельминой, которая вроде бы никогда не причиняла ей вреда, но чьи просьбы сейчас были совершенно непонятны Этерне. Девочка кивнула, сжав дрожащие ладошки друг с другом: это была попытка найти опору хотя бы в самой себе, которая, к сожалению, не увенчалась большим успехом.

Под ногами юной девочки из рода Вергет начал формироваться магический круг, освещающий её и всю комнату ярким фиолетовым свечением. Это немного отвлекло юную госпожу от осознания того, что Вильгельмина уже начала говорить на доселе непонятном для неё языке.

Этерну наполнило неприятное чувство: магические потоки внутри неё стали осязаемыми. Она ощущала, как они собирались от кончиков пальцев ног, рук, от лица и концентрировались в центре груди. Обжигающее чувство переполняло девочку, она чувствовала как

кровь движется в её теле с невероятной скоростью. Тело юной леди горело изнутри, а камень, что был в шкатулке, начал подниматься. Его окутывала серебристая энергия, которая начала соединяться с магией ребёнка.

Вмешательство камня заставило волшебные каналы девочки открыться. Ужасная боль пронзила всё тело, ноги начали неметь, а стоять уже было невозможно. Кое-как сохраняя равновесие и сжимая руки у груди, девочка изредка дёргала одежду, будто это могло как-то помочь и утихомирить боль.

Резонируя с серебристыми частицами, энергия юной леди начала преобразовываться в чистейшую магию, которая в моменте усиливалась, росла и перетекала в камень. Наполняясь силой Этерны, он стал принимать глубокий фиолетовый оттенок. Который напоминал цвет раннего летнего заката, уходящий в глубокую ночь.

В то время, стоя за дверью, Гюльвейг переплела пальцы своих ладоней и прижала к груди. Она уткнулась в них лицом, стараясь не слушать крики, доносившиеся из-за двери. Баронесса хмурилась, а на её бледных щеках не высыхали дорожки слёз. Женщина без остановки бормотала себе под нос молитву:

«О великая Мумиэль,Благослови душу и тело Этерны,Дай ей силы пережить это испытание.Даруй свет её душе,Чтобы после не стало это бременем для тела её.И чтобы тьма не поглотила душу её.Поделись силою своейИ не дай её телу пострадать в этой борьбе».

Стоящая рядом с ней служанка с горечью смотрела на хозяйку и переводила взгляд с двери на неё и обратно.

— Госпожа, вы уверены, что стоит продолжать? Юной леди, видимо, очень больно, она ещё слишком мала для подобного. — В голосе Эльги было явное беспокойство, которое служанка не могла скрыть.

— Нет... ей нужно через это пройти, так будет лучше для неё. Этерна справится, она сильная девочка. Небеса обязательно благословят её, и Мумиэль поможет её телу справиться с этим испытанием, — голос Гюльвейг сейчас был совсем истощённым; казалось, она сама себя пытается убедить в этих словах.

Не то чтобы до этого она была очень верующей дворянкой, однако, как и многие, обращалась к вере, когда надежды на что-то иное уже не оставалось.

— Хорошо, госпожа... — покорно отвечала делгалка, но послевкусие страха и тревоги оставалось где-то глубоко в её сознании.

В этот момент Эльга вспоминала, как ещё чуть больше пяти лет назад она вытаскивала беременную госпожу из пучины морских вод. Тогда и месяца не прошло с момента смерти Дитлева — хозяина поместья, второго сына Вильгельмины и супруга Гюльвейг. Женщина не смогла спокойно пережить его кончину. То был самый ужасный день в истории этого поместья, так на данный момент казалось Эльге. Сильный шторм обволакивал скалы, так же как и сегодня, тёмная ночь и очередной приступ лунатизма.

«Экендел-променад» — дословно «хождение во сне» — так называли эту болезнь лечащие врачи из Майтраеса. Только дождь стих и проявились первые лучи ночного светила, как Гюльвейг в одной ночной сорочке вышла из поместья, направляясь в сторону бушующего моря. Служанка лишь позже смогла обнаружить пропажу госпожи, когда та уже по щиколотку была в воде. Она обнимала живот, бормотала бессвязные слова и, не замечая ничего вокруг, шагала в сторону морской пучины.

Если бы Эльга помедлила хоть на секунду, возможно, они обе сейчас не стояли бы в этом коридоре. И госпожа говорит ей о том, что это на благо? Что девочка справится? Служанке казалось странным подобное поведение. Ведь сначала желать смерти, а после так рьяно защищать, верить в то, что ребёнок справится. Для неё казалось очень не стабильным принятием решений.

Единственное, что успокаивало, — это затишье, или нет...? Стало невероятно тихо: не было слышно ни дождя за окном, ни криков за дверью, даже бормотание баронессы прекратилось. Это заставило служанку вынырнуть из своих мыслей и осмотреться.

Дубовая дверь распахнута настежь, а госпожа дома уже быстрым шагом зашла внутрь, осматривая тело девочки и обнаруживая небольшой шрам в центре её груди — там же, где порвана сорочка, в которой Этерна была всё это время. Шрам был похож на круглую десятиконечную звезду напоминающую о том, что теперь в юной леди не осталось и капли магической энергии.

— Вы сказали, что это не причинит ей вреда! Уверяли, что она отделается лишь небольшим недомоганием! Так что же вы сделали с моей дочерью? — Голос женщины сорвался на крик. Она смотрела на Вильгельмину, как раненое животное, наполненное страхом и злобой. Она с силой прижимала к себе ужасно горячее тело дочери, которая очень быстро и тяжело дышала.

— Это лишь небольшая лихорадка. Она пройдёт через пару дней. Как и говорила: я лишь забрала у неё все магические силы, и теперь она полностью пуста. Но поправлю: в тот раз ты спросила, не навредит ли ей это. Я рассказала тебе о последствиях, но разговора о том, как будет проходить этот ритуал, не было, — пожилая дама говорила совершенно спокойно, крутя в руках камень и внимательно осматривая его со всех сторон. — А это я заберу с собой, так у вас будет меньше соблазна вернуть ей эту силу. Тем более что, по всей видимости, девочка была предрасположена к чуть более расширенной магии рода.

Сжав в руке сосуд, в котором теперь содержалась вся сила одной делгалки, женщина ровным шагом пошла в сторону выхода из поместья. Волосы цвета вороньего крыла, с проступающей сединой, чуть поблёскивали в свете луны. Вильгельмина, одетая в приталенное тёмное пальто, отделанное золотыми элементами (парадная одежда «холодных душ»), брюки и высокие сапоги, отдалялась всё дальше, пока полностью не скрылась в темноте особняка.

Эльга, всё это время стоявшая с канделябром у двери, зашла внутрь и поставила его на пол. Гюльвейг в свою очередь прижимала дочь к себе и пустым взглядом смотрела в сторону двери. Казалось, её дыхание резонировало со вздохами девочки — такое же тяжёлое, иногда прерывистое и совершенно лишённое какого-либо покоя.

— Госпожа, прошу вас, дайте мне возможность помочь вам. Молодой госпоже нужен покой, её нужно уложить на кровать.

Эльга протянула руки, чтобы взять Этерну, но Гюльвейг лишь дёрнулась в сторону, и теперь зловеще пустой взгляд был направлен на служанку.

— Нет, нет, нет. Я не дам тебе её, ты тоже навредишь ей! Нет... теперь уже никто не сможет навредить ей, она убила её... она уже мертва! Я не слышу её дыхания! Эльга, ты слышишь?! Слышишь?! Она мертва! — Голос женщины был прерывистым, иногда переходя на всхлипы, моментами то были крики, и с каждой секундой состояние баронессы становилось всё хуже. Она походила на израненного зверя, что до последнего вздоха старается защитить своё дитя.

Лицо служанки было переполнено грусти и понимания того, что ситуация снова вышла из-под контроля. Ей ничего не оставалось, кроме как сделать тихий глубокий вдох, медленно подойти к Гюльвейг и протянув руку, поглаживать её по плечу.

— Госпожа, прошу вас, если вы не хотите отдавать мне госпожу Этерну, то пойдемте вместе в комнату, — слова Эльги были очень спокойными и ровными. Казалось, это уже не в первый раз, когда ей приходится успокаивать внезапно поймавшую приступ баронессу.

Однако одних этих слов было определённо недостаточно для того, чтобы успокоить уже уверовавший в какую-то идею ум. Поэтому лишь к утру экономке удалось уложить госпожу и её дочь в разных комнатах.

То был конец сезона блуманейд анемон. Яркие рассветные лучи бились в окна поместья, стоящего возле скалистого обрыва, о который бились волны — уже с меньшей силой, чем пару часов назад. Море окрасилось в розовые и тёплые жёлтые оттенки неба, отражая в себе каждую его частичку. Теперь силы ветра уже не хватало, чтобы раскачать сосновый лес, который окружал поместье семьи Вергет.

Этот день стал сильным прорывом вперёд, без возможности повернуть назад. Каждый в нём что-то обрёл, но в то же время потерял, оставляя лишь надежду на возможность лучшего времени. Тогда Гюльвейг видела Вильгельмину в последний раз, как и многие, с кем пожилая дама была знакома, а её муж Энгельберг умер несколькими годами позже. Говорят, старость совсем подкосила главу рода Вергет. Но правда ли, что проблема именно в старости?

Через несколько дней.

Утро было наполнено ярким солнечным светом и морским воздухом, смешанным с запахом хвои. Солнце пробивалось сквозь плотно задёрнутые шторы, заставляя Этерну перевернуться на другой бок. Открыв глаза, она ещё какое-то время лежала, глядя в даль расфокусированным взглядом. Её глаза, будто полностью поглощённые тьмой, казались цвета глубокого дна, тёмного, не пропускающего ни единого лучика света. Проморгав пару раз, девочка встала и переоделась, не без труда затянув все ленты на платье.

В какой-то момент она услышала звук шагов по коридору и тихо подошла к двери, выглядывая из-за неё. Это была Эльга. Служанка остановилась напротив приоткрытой двери и мягко улыбнулась юной леди.

— Доброе утро, госпожа. Вы уже проснулись? — Девушка зашла в комнату и присела на корточки, поправляя ленты на платье Этерны. — Завтрак уже готов, можем идти.

— А матушка? — Взволнованно спросила девочка.

Они давно не завтракали всей семьёй. После всего, что недавно случилось, Этерна думала: если маме станет легче, семья снова сможет собираться за одним столом. Воспоминания о том дне были очень смутными, но юная госпожа, точно помнила, обещание данное ей бабушкой.

Эльга погладила девочку по плечам, затем поднялась, отряхивая юбку.

— К сожалению, госпожа Гюльвейг очень занята и не сможет присутствовать на утренней трапезе. Прошу вас понять, сейчас у неё много дел по поместью.

Этерна подняла на служанку полный отчаяния взгляд и послушно пошла следом в столовую.

Длинный коридор был наполнен утренним светом, а окна в пол открывали вид на внутренний двор здания. Подбежав к одному из них, юная баронесса обрадовалась, увидев тренирующуюся стражу. Выпад, удар мечом с боковым замахом, снова выпад поочерёдные удары сверху и сбоку. Заворожённый взгляд Этерны не отрывался от окна: она смотрела на то, как лезвие меча то и дело блестит при солнечном свете с силой обрушиваясь на деревянные тренировочные манекены.

Единственное, что позволило девочке отвлечься от столь красивого, по её мнению, зрелища, — это урчание в животе и желание поесть, которое она уже не могла игнорировать. Маленькие руки отстранились от стекла, оставляя на них размазанные пятна, и она сделала пару шагов назад, послушно идя следом за Эльгой.

Спустившись вместе с ней на первый этаж, она зашла в залу, где стоял большой стол, рассчитанный на приём гостей. Тёплой эту комнату делал камин, а большие окна пропускали яркие солнечные лучи.

Не без помощи служанки девочка села за стол и взяла в руки столовые приборы, начиная есть. Сегодня на завтрак подали пару булочек к чаю, омлет с грибами, помидорами и кусочками мяса.

Этерна спокойно ела, смотря только в тарелку. Как бы сильно камин ни нагревал комнату, а солнечный свет ни наполнял её, для юной госпожи это помещение оставалось очень холодным и одиноким местом, где та каждое утро будет ощущать своё пребывание в полупустом доме.

Эльга ушла, как только помогла девочке сесть, поэтому, закончив с едой, юная леди прыгнула со стула и побежала во внутренний двор поместья, в сторону тренировочной площадки. Оказавшись рядом, она сначала наблюдала издали. Двое стражников переговаривались о чём-то с конюхом.

Молодая госпожа стояла слишком далеко, чтобы разобрать чёткие фразы, но тем не менее решила подождать, пока те не закончат разговор.

Быстрым шагом она подошла к самому высокому и разговорчивому из них и, нервно перебирая пальцами у груди, громко заговорила:— Мистер Хеймдаль, прошу вас, научите меня тоже использовать оружие! Вам же на руку, если я буду уметь сражаться и смогу себя защитить! — Этерна говорила абсолютно искренне. Ей правда казалось, что навык владения мечом очень полезен не только для обыденной жизни, но и для экстренных случаев, а ещё было в них что-то прекрасное, что заставляло девочку раз за разом останавливать на них взгляд.

Охранник опустил на одно колено перед девочкой и потрепал её по волосам, ярко улыбаясь.— Госпожа Этерна, снова вы за своё. Я ведь уже говорил, что оружие — детям не игрушка. Да и не пристало леди держать в руках меч. Это обязанность армии — защищать господ. — Голос мужчины был низким и громким; он говорил с пониманием и умилением, ведь юная леди уже в который раз подбегала с этой просьбой. И сколько бы раз он ей ни отказывал, она не сдавалась, а это вызывало у него уважение.

— Ваш учитель скоро должен приехать, бегите в комнату.

Хеймдаль поднялся, похлопав девочку по плечу, и уже отвернулся, собравшись уходить, как та схватила его за край одежды.

— Но... охрана должна также слушаться господ. — Совершенно ровным тоном продолжала Этерна, видимо, вовсе не собираясь отступать от своей сегодняшней цели.

Воин тяжело вздохнул и моляще посмотрел на своего друга. По всей видимости, он уже не мог найти нужных отговорок от прилипчивой госпожи.

Второй рыцарь, что до этого готовил оружие и броню, изредка посматривая на этих двоих, уловил взгляд друга и, отложив всё, подошёл к ним.

— Госпожа Этерна, я понимаю ваше рвение к изучению владения клинком, но и вы поймите: юная леди ещё слишком мала, а подходящего вам партнёра даже для тренировок на деревянных мечах мы найдём с трудом. Тот же Скади старше и выше вас. При всём желании мы не можем учить вас. Да и вряд ли это понравится госпоже Гюльвейг. А пока вы не глава дома, напрямую мы подчиняемся именно ей. Как вы подрастёте, может, тогда она и согласится, чтобы мы учили вас.

— Вот, Вигард дело говорит, госпожа Этерна. Это не только небезопасно, но ещё и не согласовано с главой дома. Вот вырастите... — мужчина подхватил девочку, поднимая над собой и ярко улыбаясь, после чего посадил её себе на плечи и повернулся к Вигарду, — может, даже с ним посоревнуетесь, он ведь у нас тут самый ловкий владелец клинка.

— Ты мне льстишь, Хеймдаль. Не слушайте его, госпожа. И, к слову, ты что делать собрался? Это большое неуважение с твоей стороны по отношению к госпоже.

— Брось, она в первую очередь ребёнок. Когда она ещё сможет насладиться такими видами? Тем более, кроме нас троих, этого больше никто не видит. — Лёгкость в голосе Хеймдаля заставляла черноволосого мужчину тяжело вздохнуть, покачать головой и потерять переносицу.

Этерна, в свою очередь, обхватила ручками шею рыцаря и, по всей видимости, не собиралась его отпускать. Но их счастье длилось недолго: со стороны входа в поместье послыша-

лись быстрые шаги. То был дворецкий, который обыскался Этерну и с ужасом смотрел на эту картину.

— Ради всего святого, что вы вытворяете?! Немедленно отпустите госпожу! — Голос молодого дворецкого был настолько громким, что всем пришлось зажмуриться. Мало кто в этом доме любил, когда он начинал кричать. Сейчас же, помимо крика, в его голосе слышались страх вперемешку с сильной взволнованностью.

Хеймдаль опустил Этерну на землю, а та, взяв его за руку, не собиралась ступать и шагу от него.

— Вам обоим я всё выскажу позже. А вы, молодая госпожа, почему сразу ушли? Эльга вас обыскалась. Вы не забыли? У вас ещё иностранные языки, музыка и история. Я ведь вам уже говорил, чтобы вы не ходили сюда, тут опасно. А если поранитесь? Как я буду объясняться перед госпожой Гюльвейг? — полный отчаяния голос тараторил на повышенных тонах, пока его не прервал спокойный и ровный тон Вигарда.

— Господин Фрейстейн, прежде чем обвинять нас в неуважении к госпоже, я попрошу вас понизить тон, ведь сейчас вы ставите себя на один уровень с нами, как и парой минут ранее.

Стоящий рядом Хеймдаль закивал и, попросив девочку отпустить его одежду, присел перед ней на корточки.

— Именно об этом мы и говорили не так давно. У вас ещё занятия, не стоит такой, как вы, находиться в подобном месте.

Этерна с ничего не выражающим лицом смотрела на мужчину, а после отвернулась, медленно отпустив его одежду, и зашагала в сторону входа в поместье. Это было далеко не первый такой диалог юной госпожи с рыцарями, однако почему-то именно сегодня данное событие ударило по ней сильнее обычного отказа. На фоне слышались возмущённые возгласы Фрейстейна и спокойно отвечающий ему Вигард, однако молодая баронесса уже не вслушивалась в их слова. Её пустой взгляд тёмных глаз в принципе сейчас мало что выражал — казалось, она смотрела в никуда. Эльга, что уже ожидала её у входа, мягко кивнула ей и повела к кабинету, где Этерну уже ожидал учитель.

Уроки, что были с самого раннего утра, проходили спокойно. Девочка слушала длительные рассказы о важности алвтренских диалектов, о том, как Колаэх стал протекторатом под надзором Майтраеса и о том, как важно соблюдать все законы. Изучение языков и рассказы об истории страны волновали девочку в наименьшей степени, но вот уроки музыки она ждала с нетерпением. Хотя внешне это выражалось только в болтании ногами под столом и очень увлечённым походом в сторону комнаты, где стоял её любимый рояль.

Музыка была для малышки отдушиной: она очень любила погружаться в разные мелодии. Было в них что-то загадочное и волшебное, заставляющее Этерну, не отрываясь от инструмента, доигрывать их до конца. Каждое нажатие клавиши, каждый аккорд давались ей с меньшим трудом, чем многим. Хотя она пока и не играла сложных композиций, но очень грезилась временем, когда сможет изучить новые партитуры и погрузиться в неизведанный ещё ею музыкальный мир.

Композиторов в Колаэхе было не так много: всё же в большей степени делгалы занимаются земледелием и скотоводством, а музыка как предмет высокого искусства далека от таких простых рабочих. Тем не менее в Майтраесе и сейчас есть множество знаменитых композиторов, которые всё ещё пишут партитуры не только для театра или концертов, но и для себя. Однако найти такие записи для простых делгалов — достаточно нетривиальная задача. По этой причине Этерне пока приходилось учиться по тем композициям, которые было достать проще всего и которые были популярны в их стране.

Сравниться по вовлечённости в процесс с музыкой могли только книги, которые также помогали отвлечься и скоротать время. Ей нравилось читать, однако самих книг в поместье было немного, и большая часть из них рассказывала о праве и экономике.

С мыслью о новой книге, которую она могла бы сегодня почитать, и закончился урок музыки, после которого девочка, поблагодарив учителя, пошла в сторону кабинета, где обычно в это время могла найти матушку.

Не успела Этерна дойти до комнаты, как столкнулась с последствиями недавнего ритуала: головная боль, слабость во всём теле, от которой и стоять-то было тяжело. Девочка думала, что ничего не изменится после того дня, однако всё время после пробуждения её преследовало чувство пустоты — будто чего-то не хватает или она лишилась важной части себя. Юная госпожа ощущала это настолько остро, насколько вообще может чувствовать пятилетний ребёнок.

Слуг в доме было немного: Эльга была гувернанткой, оставалась ещё трое девушек. После смерти Дитлева многих пришлось уволить, так как дом и бизнес семьи приходили в упадок, отчего и жалованье выплачивать было не из чего. В особняке остались только те, кого это устраивало, либо те, кто из уважения к бывшему хозяину не хотел покидать это место.

Так или иначе, в обеденное время коридоры пустовали, и Этерна, прислонившись к стене, просидела так какое-то время. До кабинета матушки было рукой подать, однако слабость в теле оказалась сильнее.

Почувствовав, что боль утихла, она поднялась с пола, подошла к двери и начала толкать её изо всех сил, чтобы медленно открыть. Как только дверь поддалась, в нос девушки ударил запах духов: сладкие пионы вперемишку с цитрусом и чем-то неразборчивым.

Запах матушки — так он звучал для неё. Делая шаг внутрь, она смотрела на женщину, что сейчас сидела за столом. Нездорово бледная кожа, синяки под глазами, которые было трудно убрать хоть чем-то, русые волосы, убранные в непринуждённую причёску, и серые глаза, наполненные усталостью. На ней было лишь лёгкое повседневное платье приглушённого голубоватого цвета.

Гюльвейг сидела за столом, облокотившись на него локтями, и закрывала лицо. В кабинете было явно не убрано: множество документов и книг валялись не только на столе, но и на кофейном столике, диване; некоторым не повезло больше всего, и они оказались на полу. Полки с книгами тоже были в полном беспорядке.

Рядом с госпожой стоял дворецкий, который с серьёзным лицом ей что-то объяснял и указывал на, по всей видимости, более новые листы пергамента. Однако, когда зашла Этерна, он тут же остановился и обратил на неё внимание.

— Ваши занятия уже закончились, госпожа?

Фрейстейн не успел договорить, как Гюльвейг встала из-за стола и села перед дочерью, обнимая её.

— Ты очнулась... Дорогая, ты так долго не приходила в себя, я уже была готова поверить в худшее. Но... — Женщина отстранилась от дочери и встала перед ней, глядя со всей холодностью; казалось, она собрала всю, что у неё когда-либо была. — Я ведь говорила не заходить в кабинет без разрешения. Эльга разве не передала, что я занята? Тебе не стоит находиться здесь.

— Матушка, мне уже лучше. Бабушка сказала, что и вам должно стать лучше после того ритуала. Я подумала, может, мы смогли бы провести хоть немного времени вместе? — Полный надежды и искренности голос юной госпожи наполнил комнату, будто она хотела достучаться до двери, что уже давно была перед ней закрыта.

В ответ Этерна долгое время слышала тишину от уже повернувшейся к ней спиной Гюльвейг. Та ответила далеко не сразу, но тон её голоса был наполнен безразличием:

— Ступай в комнату, Этерна.

— Но... вы придёте? Мы сможем провести время вместе?

Ответа на свой вопрос она не получила, и девочке ничего не оставалось, кроме как сжать юбку и, развернувшись, пойти в сторону комнаты.

Фрейстейн закрыл за ней дверь и вернулся к хозяйке дома.

— Госпожа Гюльвейг, не слишком ли вы строги? Всё же госпожа Этерна ещё совсем юна. Я уверен, что господин Дитлев был бы счастлив видеть, как вы вместе проводите время.

— Заткнись! — Только недавно принесённые мужчиной документы разлетелись со стола в разные стороны от резкого движения Гюльвейг. — Дитлева уже давно нет с нами, а ты не смеешь мне указывать, как лучше поступать с моей же дочерью!

Фрейстейн дёрнулся от такого резкого перепада настроения госпожи, но не стал ничего отвечать. Собрав все упавшие бумаги, он вновь положил их на стол.

Госпожа дома в свою очередь вернулась на своё место, присаживаясь на стул, и облокотилась головой о руку. Сильная боль пронзила её голову: казалось, что множество иголок врежется ей в виски. Потирая рукой место, наполненное болью, другой она читала документ.

— Возвращаясь к вопросу: нам нужно что-то решить с поставкой древесины. Те места, которые мы хотели занять, уже выкупил господин Сигвальд, и нам следует как можно быстрее найти новые, чтобы начать строительство. Все корабли, которые у нас были, уже раскупили, и нам не хватает средств на закупку достаточного количества.

— Вы же можете взять с того места, где закупались до этого...

— Раньше и доходов у нас было больше. Поэтому господин Дитлев и правда заключил договор с одними поставщиками, но сейчас нам недостаёт финансов для того, чтобы вернуться к закупкам у них же. То место предоставляет хороший и дорогостоящий материал. Нам следует найти поставщиков из более дешёвого сегмента, чтобы начать восстановление.

— Мы можем взять у них в долг и сказать, что вернём, как только у нас будут готовы новые корабли. Мы ведь не единственные, кто у них закупается; я уверена, они смогут подождать.

— Но чтобы отдать им долг, нам нужно будет построить по меньшей мере два брига. Рабочих на верфи осталось совсем немного, мы не успеем построить их до момента, когда нужно будет возвращать долг. Им невыгодно нам его давать. И даже в таких условиях мы уйдём в лучшем случае в ноль, если не в минус.

— Фрейстейн, моё решение окончательное. Я уверена, ты со всем разберёшься. Я пойду, прошу, не тревожь меня и скажи всем, чтобы не заходили в покои, пока не позову.

— Госпожа, постойте, а как же другие дела...

В ответ дворецкий услышал лишь звук глухо закрывающейся дубовой двери и удаляющийся стук каблуков по деревянному полу. Громкий и тяжёлый вздох обрушился на комнату, и для начала слуга принялся собирать все документы, разбросанные по кабинету.

Вопреки ожиданиям, что госпожа решила проведать дочь, она зашла в свою комнату. Некогда принадлежавшая супругам спальня сейчас скорее напоминала склеп. Гюльвейг запрещала открывать занавески, отчего в комнате постоянно было темно и прохладно; постель она также запрещала трогать, поэтому та постоянно была в беспорядке. Сев в кресло, женщина пустым взглядом смотрела на портрет Дитлева, который висел над прикроватной тумбочкой у противоположной стены.

Это был мужчина на вид около тридцати пяти лет. Его чёрные волосы, длиной до плеч, были завязаны в хвост, что говорило о его статусе. Борода — короткая, аккуратно подстриженная, с проседью. Глаза цвета воронова крыла смотрели с портрета, полные уверенности и счастья. Мужчина был крупного телосложения, однако не являлся полным, скорее подтянутым. Он был тем человеком, что часто проводил время на своей верфи, знал каждого работника поимённо и помогал, если рук совсем не хватало. Он ценил труд каждого нанятого им сотрудника и понимал все тонкости строительства. Пока он проводил там время, то становился больше похожим на сезонного рабочего, чем на дворянина, однако длина волос всё же сильно его выдавала. Этерна очень на него похожа внешне: казалось, от матери у неё лишь некоторые черты лица, а всё остальное подобно отцу.

Дитлев умер, когда Гюльвейг была на последнем месяце беременности. То была холодная осень, и он подхватил, как всем казалось, простуду, но болезнь прогрессировала очень быстро, и даже приехавшие из Дрангары лучшие врачи не смогли определить, а тем более успеть вылечить её.

Женщина ещё какое-то время всматривалась в написанный маслом портрет, пока с её уст не сорвались слова, произнесённые отчаянным и полным грусти тоном:

— Как жаль, что ты нас оставил и так и не смог увидеть, как растёт дочь. Ты так хотел проводить с ней больше времени. Я ужасная мать, Дитлев... Я не справляюсь... и боюсь, не справлюсь и дальше. Я совсем не разбираюсь в делопроизводстве и кораблестроении. Недавно твоя мать приходила и сотворила непоправимое с нашей девочкой. Мне всё ещё кажется, что это к лучшему, но... она два дня была без сознания, и тогда я подумала, что она умерла, оставила меня так же, как и ты. Я очень рада, что она очнулась, но мне всё ещё стыдно перед ней за то, что я считала, будто она тоже меня оставит, — сквозь слёзы послышался смешок. — Архангелы великие, ты слышишь меня? Дворянке стыдно перед своей дочерью... Где бы ты ещё услышал такую глупость...

Женщина уже и сама не знала, когда начала плакать. Слёзы продолжали течь, а она сжалась и обнимая себя за плечи, сквозь мутную от слёз пелену перед глазами увидела платок. То был большой кусок шерстяной ткани в клетку, который муж всегда накидывал жене на плечи, когда та начинала сильно замерзать.

Взяв его и притянув к груди, она уткнулась в него лицом. Слёзы оставляли мокрые пятна, а из самого платка уже давно выветрился запах мужа — остался лишь лёгкий шерстяной аромат. Женщина сжимала ткань в руках, согнувшись пополам, и с прерывистым шёпотом произнесла:

— Я скучаю... Я всё ещё невероятно скучаю по тебе.

Госпожа Гюльвейг Вергет — вдова, являющаяся главой второй линии Вергетов и владеющая немалой верфью, которая по размерам сравнима только с верфью Энгельберга, главы рода. Вот только дама не обучалась ведению бизнеса, поэтому сейчас все владения их семьи в упадке, как и сама госпожа. Долгое время она не может оправиться от потери. Уже начали ходить слухи о её нестабильном душевном состоянии, о том, какая она затворница и как гробит бизнес мужа. Хоть о её болезни и старались не распространяться, дом полон сплетен, поэтому так или иначе вести об этом дошли до ушей другой знати. Как и давняя весть о том, что семья Дитлева была выгнана из родового поместья и отправлена так далеко как раз по вине Гюльвейг, в то время как сам средний сын Вергетов был на стороне жены, по этому и отправились они вместе.

Сейчас, учитывая многие факторы, их семья находится в достаточно шатком положении, из-за чего душевная боль женщины лишь наполнялась новыми причинами. Этерна не помнит, когда видела иную матушку, а многие слуги лишь немного могут скрашивать дни госпожи, дабы не ухудшить ещё больше её состояние.

Для кого-то дни наполнились тоской, в то время как у других лишь прибавлялось забот и ответственности, которую власть имущие не могли нести. Настали наполненные мраком времена в далёком от цивилизации поместье Вергетов, где ночью слышны громкие удары морских волн о скалистый берег, а утром — плач и крики, тем не менее наполняющие дом одиночеством его главных жителей.

Глава 2. Обрести нечто новое.

«Часто дорогу жизни воспринимают как совокупность воспоминаний обо всём пройденном пути: от детства до юности, молодости и старости. И в каждой из этих, скажем так, переломных точек есть возможность начать всё заново. Но как ты поступишь, если дальше обрыв? Сможешь ли ты сделать шаг в неизвестность, если не уверен, какова его глубина? Не уверен, сможешь ли выжить...чтобы встать и пойти дальше.»

Погода в окрестностях Алондела была довольно суровой. Сильные ветры не были чем-то необычным для этого региона, однако и в более тёплые периоды здесь стояла невыносимая жара. Сезон сурин Кадмиэль быстро сменялся сезоном кол фёртвивиен. Время шло не так быстро, как хотелось бы, но в какой-то момент Этерна привыкла жить с чувством пустоты, образовавшимся после потери магии. Она перестала обращать на это внимание: всё же пара лет сделала своё дело.

Всё это время девушка не переставала отдаваться музыке и книгам. Каждый день был похож на предыдущий: занятия, еда, попытки достучаться до мамы и снова одиночество в своей комнате. Единственное, что поменялось со дня пробуждения, — это её попытки донимать стражу просьбами научить сражаться. Тот отказ стал для юной госпожи последним: понимая, что каждый раз бьётся о глухую стену, она быстро утратила волю. В тот день многое надломилось, даже походы к Гюльвейг стали намного реже, чем раньше. Сейчас Этерна бродила по поместью скорее как тень: у слуг не было времени, а госпожа была слишком занята. Как итог, молодая девушка училась проводить время наедине с собой, привыкая к одиночеству.

Дни, сменявшие друг друга, были для неё почти неотличимы, но для Гюльвейг каждый из них становился новым приговором.

Раннее утро. Солнце ещё не встало, чтобы хоть как-то подать знак хозяйке дома, что пора просыпаться, поэтому её будит лёгкий стук в дверь от Эльги.

— Госпожа, пора вставать. Завтрак готов, и у вас ещё есть нерешённые дела.

Медленно открыв дверь, служанка сделала шаг в комнату, подкатывая к кровати своей госпожи изящную тележку с подносом, на котором был завтрак. Сама же начала зажигать свечи и собирать одежду, разбросанную по полу. Это была мужская одежда, по всей видимости, Дитлева. Таким образом госпожа Вергет пыталась вернуть его присутствие в эту комнату.

Гюльвейг сейчас была закутана в одеяло, и, когда Эльга зашла в комнату, ком из ткани начал шевелиться. Она приподнялась на руках, подняв голову и не отводя взгляда от одной точки, при этом будто бы смотря в пустоту. Её светло-русые волосы спадали с плеч, а глаза казались темнее из-за тусклого освещения. Она была худощавая, и даже сорочка, что была на ней, выглядела большеватой.

Не без труда баронесса свесила ноги с кровати и, убрав прямые тонкие волосы назад, пододвинула к себе тележку. Госпожа начала медленно есть, продолжая смотреть расфокусированным взглядом в никуда.

Эльга, уже сложившая все вещи обратно в комод, подняла платок и накинула его на плечи Гюльвейг. Тело баронессы в мгновение затряслось мелкой дрожью, и женщина, кутаясь в платок, положила вилку обратно на поднос. Подогнув колени, она опустила на них лоб, и волосы штормками полностью закрыли её лицо. Она ещё какое-то время сидела неподвижно, лишь дрожа, уже не в силах выдавить из себя слёзы, хотя ей ужасно хотелось дать волю эмоциям.

Служанка в это время с наполненными грустью и сочувствием зелёными глазами смотрела на госпожу. Вскоре она отошла в сторону, давая той побыть наедине, и начала выбирать и подготавливать платье для нового дня.

Женщина через какое-то время и правда успокоилась, вот только дрожь в теле было унять не так просто, поэтому руками, полными тремора, она взяла вилку, продолжая завтракать. Потратив на это довольно много времени, Гюльвейг встала, сжимая в руках шерстяную ткань на своих плечах, и, медленно ступая босыми ногами по холодному деревянному полу, подошла к туалетному столику, у которого её уже ждала Эльга.

Служанка сняла платок с плеч госпожи и, аккуратно сложив, повесила на спинку стула. В момент смены одежды женщина в руках служанки скорее напоминала безвольную тряпичную куклу: куда её поведёшь, туда она и повернётся. Было ли это от того, что она ещё не проснулась, или от состояния, в котором пребывала каждый день? Понять сложно.

Усадив госпожу на стул, Эльга начала расчёсывать её волосы, собирая в простую причёску напоминающую пучок. К этому времени солнце за плотно занавешенными бордовыми шторами начало пытаться пробиться, стараясь подать хоть какой-то лучик света в эту тёмную и тусклую комнату в глубине поместья. Но все его попытки не увенчались успехом: оно лишь немного осветило комнату, однако основным источником света всё ещё оставалось множество свечей в канделябрах, подвешенных на стенах.

Закончив с приготовлениями к новому дню, Гюльвейг вышла из комнаты, направляясь в сторону кабинета. Само помещение некогда принадлежало Дитлеву и было тем местом, где он разговаривал с поставщиками, писал и подписывал новые документы, перечитывал книги и в принципе проводил много времени. По этой причине каждое посещение этого кабинета для женщины было напоминанием о том, что, может быть, муж скоро зайдет сюда после очередной поездки для проверки верфи. Туда, к слову, Гюльвейг за всё время после его смерти так ни разу и не съездила. Она знала, что многие рабочие ушли из-за расформирования, и представляла лишь примерное количество оставшейся рабочей силы, однако толком не разбиралась в том, кто чем занимается и каковы их возможности. Отчасти поэтому бизнес стал идти всё хуже и хуже, ведь владелица так и не смогла разобраться во всех тонкостях кораблестроения.

Так или иначе, в комнате с момента ухода её предыдущего хозяина ничего не менялось, кроме бумаг, которые Гюльвейг иногда в порыве сильной эмоциональности разбрасывала по всему помещению. Остальные же вещи она не позволяла трогать даже слугам, разрешая лишь своевременно убирать с них пыль, дабы сохранить комнату в полной чистоте. Но ни перемещать, ни убирать что-либо с мест было нельзя. По мнению госпожи, это нарушило бы многое в доме, и ей самой стало бы ещё тяжелее.

Стук каблуков по деревянному полу разносился эхом по коридору здания. Остановившись возле двери, женщина медленно открыла её, делая шаг внутрь.

Там её уже ждал дворецкий, который просматривал бумаги и откладывал те, что нужны для подписания и утверждения.

— Доброе утро, госпожа. Я подготовил новые бумаги, как вы меня вчера и просили. Только вот... — мужчина немного замялся, чуть сжимая пальцами бумагу, — наши рабочие не успевают сделать второй бриг, о котором мы договаривались для оплаты долга по закупке древесины. Нам нужно либо принести им деньги, либо изготовить что-то ещё, то, что можно быстро продать. Мы можем изготовить шлюпки на продажу или продать готовые паруса с верёвками...

Он не успел договорить, как Гюльвейг подняла ладонь в жесте, просящем остановиться; другую руку она приложила ко лбу и нахмурилась. По всей видимости, для женщины это было слишком много информации с утра, которую она не готова была воспринимать.

Подойдя к столу, госпожа присела на стул и взяла у дворецкого документы.

— Не тараторь с утра пораньше. Давай постепенно. Новые документы. Что у нас здесь?

— Подтверждение закупа ткани для парусов, а также материалов для изготовления верёвок, сетей и... — Мужчина замешкался, пересматривая документы. Не увидев нужного, он начал судорожно пересматривать те листы, которые были у него в руках, а потом и пергамент,

что лежал на столе. Мысленно отсылая к Разаэлю всех причастных к потере документа существ, он тяжело вздохнул и на выдохе договорил: — И металлических деталей. Но этот документ, видимо, был утерян. Я обязательно снова отправлюсь в Алондел для оформления нового, простите, господа.

— Не стоит. Для начала скажи: мы ведь уже закупались всем этим в прошлом году, неужели им не хватает тех материалов, что были куплены в тот раз?

— Госпожа... тот закуп был для того, чтобы закончить работу над первым кораблём, а для завершения второго нужны новые ресурсы. У нас недостаточно финансирования, чтобы сразу закупиться для двух кораблей, тем более такого размера. — Фрейстейн говорил, с осторожностью подбирая слова, дабы не вывести на эмоции Гюльвейг, которая при подобных разговорах часто была как бомба замедленного действия.

— И они не могут сделать новое из остатков? Нет, подожди... я правда не понимаю, должно же было что-то остаться. А как же все те ресурсы, что закупались до этого? Ведь Дитлев как-то продолжал работу, закупался и продавал эти чёртовы корабли? — Голос женщины стал громче и грубее. Она правда не понимала, как могли все ресурсы, нажитые за столько лет работы верфи, так просто израсходоваться ради постройки нескольких кораблей.

— Проблема немного в другом, госпожа... Те ресурсы, которые были, забрали рабочие в счёт платы за их труд. Ведь увольняться без оплаты тоже непростая задача в наше время. Я говорил вам об этом, когда это только случилось, но вы не придали этому большого значения, — Мужчина продолжал говорить с осторожностью, не выпуская из рук листы пергамента. — Мы пытались их остановить, но они грозились поднять бунт. Тогда бы верфь закрыли, а они подали жалобу в канцелярию, и нам пришлось бы выплачивать долг за всё то время работы.

Гюльвейг тяжело вздохнула, глядя на бумаги, и начала подписывать их одну за другой.

— Ты можешь взять в долг у Эльвинга? Только так, чтобы он не знал, что это мы. Я понимаю, что нам не хватает денег, но нам нужно достроить эти два корабля, иначе будет ещё хуже, чем есть. Придумай, что это на новый бизнес. Я уверена, будучи таким азартным и поглощённым новыми увлечениями, он не будет прочь вложиться во что-то экстремальное. А мы сможем спокойно закупиться нужными материалами, доделать корабли и вернуть долг за древесину. Да! Так и сделаем. — Говоря всё это, под конец с энтузиазмом госпожа Вергет подписывала одну бумагу за другой, даже не читая.

— Но госпожа, если мы возьмём и у них в долг, то так или иначе господин Сигвальд может догадаться, и тогда выплаты от главного дома могут ещё сильнее урезать. Они ведь и так присылают немного, если ещё узнают о том, как вы ведёте дела, могут и вовсе отказаться от выплат.

— Не догадается. — женщина встала, кладя руку на плечо дворецкого. — Я верю в твои силы, Фрейстейн, у тебя обязательно получится. А теперь давай займёмся остальными бумагами.

Возможно, в голове самой Гюльвейг такой финансовый ход и правда был достаточно опрометчивым. Брать в долг у младшего брата своего покойного мужа, когда вся основная семья выгнала вас на достаточно скандальной ноте, — мягко говоря, не очень хорошее решение. Так или иначе, впоследствии оно работало, но недолго, ведь Сигвальд и правда заметил странные изменения на «рынке» и снизил процент выплат для Гюльвейг. От чего их верфи потерпели сильный упадок.

Тем не менее в тот день баронесса закончила проверку и подпись документов, а также распределение налогов только к вечеру, когда солнце уже зашло за морской горизонт. Мягкий лунный свет освещал кабинет, проникая сквозь высокое, но узкое окно в пол, отражая его узоры на полу комнаты. Лепестки белых цветов, стоящих в вазе у проёма, мягко сверкали. Но куда лучи яркой луны не дотягивались, так это до стола, на котором стоял масля-

ный фонарь, освещая лицо женщины, которая, сложив руки на столе, уснула, положив на них голову. Сегодня было и правда много работы, из-за чего Гюльвейг сильно устала.

В сонном состоянии она поднялась из-за стола. Её зрачки были расширены, а глаза полны пустоты. Госпожа смотрела в никуда и, выключив лампу, вышла из кабинета, направляясь медленным, но уверенным шагом в сторону балкона на втором этаже. Лунный свет освещал коридоры здания, а женщина, движущаяся лёгкой поступью, ощущалась в их стенах как призрак. Гюльвейг прошла мимо комнаты Этерны, что разбудило девочку и заставило выйти из комнаты.

Увидев, куда и как идёт матушка, к душе подступила паника. Она подбежала к женщине и, взяв её за руку, попыталась остановить, но у неё не вышло.

— Матушка, прошу вас, проснитесь! Матушка! Не ходите туда, там опасно! — Девочка продолжала кричать обеспокоенным голосом, но ничего не выходило. Её не слышали и даже не поворачивали взгляда.

Поняв, что всё в ужасно плохом состоянии, Этерна бросилась бежать в сторону комнаты Эльги. Однако та, обходявшая первый этаж, как раз подошла к лестнице на второй и вопросительно посмотрела на молодую госпожу, когда та с паникой и страхом в глазах, запыхавшись, держалась о перила и готова была поддаться чувствам отчаянья, стоя над ней.

— Эльга! Матушка... матушка снова ходит во сне! Она идёт в сторону балкона на втором этаже. Я...

Услышав об этом, женщина быстрым шагом поднялась и, наполненная ужасом, так же практически побежала в ту сторону, придерживая подол, дабы не упасть. Этерна, немного переведя дыхание, поняла, что может недоговаривать, и побежала вместе с ней. Они успели к моменту, когда Гюльвейг, уже распахнув двери на балкон, стояла, оперевшись руками о ограждение, и тянулась телом вперёд.

Свет ночного светила ярко освещал её облик. Ветер поднимал светлые волосы, некоторые пряди которых сейчас казались белёсыми. Хрупкая фигура стояла на фоне тёмного густого хвойного леса, из-за чего выглядела ещё более незащищённо. Её платье вздымалось из-за сильных порывов ветра, который проникал вглубь особняка, поднимая потоком занавески и качая двери. Женщина оторвала одну руку от перила и начала будто тянуться к звёздам, уже залезая на бортик, однако в этот момент её схватила Эльга за талию, а Этерна за подол платья.

Они вместе, кое-как успев добежать, затащили госпожу обратно и уложили на пол. Служанка быстро закрыла двери на балкон и стояла ещё какое-то время в неопределённом состоянии, тяжело дыша.

Маленькая госпожа склонилась над матушкой, которая всё ещё смотрела в никуда, и, поднявшись, хотела потянуться снова к двери, однако её остановило даже не присутствие Эльги, а то, как Этерна, стоя сзади неё на коленях, ухватилась за подол платья. Та стояла не двигаясь, ибо не могла ступить и шагу.

Служанка развернулась к госпоже и взяла её за плечи, не сильно встряхивая.

— Госпожа, прошу вас, проснитесь. Это всё сон, не реальность, прошу вас, да услышит нас Мумиэль, не подвергайте своё здоровье такому риску, проснитесь. — Голос Эльги был громким и полным отчаяния. Каждый раз работало разное, и она уже не знала, как вообще вытаскивать госпожу из этого состояния.

— Матушка, проснитесь! Вам... вам нельзя выходить с балкона, проснись...пожалуйста... проснись... — С редкими паузами на всхлипы, Этерна подражала гувернантке.

Девочка поднялась, обняла Гюльвейг за талию. Она прижималась к женщине и крепко сжимала её одежду.

В какой-то момент дыхание госпожи Вергет несколько сбилось, и она сделала глубокий вдох, проморгавшись. Испытав сильное чувство испуга, от которого дёрнулась, но не смогла сделать и шагу из-за того, что её держали. Она посмотрела сначала на руки Этерны, которые

с силой сжимали её, и положила свою ладонь поверх — это было мягкое касание холодных и дрожащих рук, которые с большей нежностью гладили ладошки дочери. Следом женщина подняла взгляд на Эльгу, которая продолжала с полным страха и тревоги взглядом смотреть на неё.

— Всё в порядке, Эльга. Можешь отпустить меня?

— Да... простите, госпожа. — Большого из себя выдавить служанка не смогла, она убрала руки и сделала несколько шагов назад.

Этерна, услышав голос матери, лишь сильнее вжалась в неё, не желая отпустить. Гюльвейг ещё какое-то время пыталась просто понять, где она находится. Чувствуя сильную головную боль вместе с головокружением, она чуть пошатнулась, Эльга подала ей руку, на которую та смогла опереться, чтобы не упасть.

— Этерна, отпусти, мне тяжело стоять. Эльга, ради всего святого, почему я здесь? Я была в кабинете, разбирала бумаги, а теперь стою тут, окружённая вами. — Голос госпожи был грубым и раздражённым. Она точно помнила, что занималась работой. Делгалку переполняло чувство разочарованности в себе, а от того и злости. Казалось сейчас её могло вывести всё, что угодно.

— Госпожа, вы опять ходили во сне. Вам нужно хорошо отдохнуть. Я отведу вас в комнату, и вы спокойно ляжете спать.

Женщина пошатнулась, и можно было заметить, как её лицо помрачнело. Гюльвейг определённо не любила подобные моменты. Это состояние делало госпожу Вергет беспомощной, было слабостью, что не дозволено, по её мнению, высшему роду. Подобные ситуации заставляли даму чувствовать, что это последняя капля, где она уже не может справиться даже со своим телом и сознанием, что уже говорить о верфи, роде или семье, когда ты не можешь даже уследить лично за собой.

Глава этого поместья Вергетов смогла лишь коротко кивнуть на слова своей гувернантки и пойти вместе с ней к комнате. Этерна отпустила подол, как только её матушка об этом попросила, но вместо того чтобы пойти в свою комнату, как она делала это обычно, девочка засеменила следом, останавливаясь у входа в покои и ожидая у приоткрытой дубовой двери.

Эльга помогла госпоже переодеться в ночную сорочку, расчесала запутавшиеся на ветру волосы, и Гюльвейг легла в кровать, кутаясь в одеяло и будто пытаясь спрятаться в нём от всего мира и даже от себя.

Служанка потушила все свечи и подошла к двери, где стояла юная госпожа и через щёлку смотрела на спящую матушку. Хоть девочка уже и успокоилась, в её лице всё равно остались следы волнения.

— Всё будет хорошо, госпожа Этерна, не переживайте. Идёмте, вам тоже нужно идти спать, время совсем позднее. — Эльга говорила это тихим и спокойным тоном, пытаясь подтолкнуть к тому, чтобы та отошла от двери.

Однако, вопреки ожиданиям служанки, юная госпожа лишь сильнее взялась за ручку.

— С ней... точно будет всё в порядке? Ты можешь мне это пообещать?

Гувернантка очень удивилась такой просьбе, она понимала, что не может это гарантировать сейчас или когда-либо ещё. Госпожа может подняться через час, а может не подняться до утра, и это определённо не то, что можно контролировать и в чём такая простая слуга, как она, может быть уверена. Но ей не хотелось, чтобы девочка оставалась подле матери всю ночь до рассвета, поэтому ей пришлось кивнуть.

Лицо Этерны стало обеспокоенным, она, в свою очередь, не знала, лжёт женщина или говорит правду, однако даже если это ложь во благо, ей хотелось в неё поверить. Отпустив ручку двери, девочка пошла в сторону своей комнаты. Эльга ступала следом за ней, отставая лишь на несколько шагов. Уже будучи в комнате, юная госпожа забралась на кровать и легла

на спину, подтягивая к себе одеяло. Служанка поставила подсвечник со свечой на тумбу и присела на кровать рядом с делгалкой.

Мягкий свет свечи был единственным источником освещения в комнате. Одной её еле хватало для того, чтобы осветить лицо гувернантки и чуть-чуть коснуться мягким жёлтым светом контура лица Этерны.

— Засыпайте, завтра новый день, у вас снова будут занятия и новые свершения. Вритель обязательно благословит вас, чтобы новые знания усваивались как можно лучше и вы делали большие успехи. — Её голос был успокаивающим и нежным, буд-то она укладывала своё дитя.

— А он сможет благословить покой матушки?

Эльга отрицательно качает головой, положив руку на плечо госпожи и успокаивающе поглаживая его.

— За это уже отвечает великая Мумиэль. Если хотите, мы можем прочитать вместе молитву о здоровье госпожи Гюльвейг, чтобы вам стало спокойнее.

Девочка закивала и поднялась на кровати, присаживаясь на ноги, и внимательно смотрела на служанку. Та, в свою очередь, сложила ладони внутренней стороной друг к другу, всё ещё будучи повернутой к Этерне, и прижала руки к груди. Маленькая госпожа сделала то же самое, не отводя взгляда.

— Повторяйте за мной, госпожа. О великая Мумиэль.

— О великая Мумиэль.

— Да благослови тело и душу госпожи Гюльвейг.

— Да благослови тело и душу матушки.

— Да избавь от хвори неизвестной.

— Да избавь от хвори неизвестной.

— Даруй свет сей душе.

— Даруй свет сей душе.

— Чтобы её тело и душа обрели покой.

— Эльга... а не звучит ли это уже как молитва для похорон?

— Вовсе нет, госпожа, покой бывает разный и не обязательно посмертный.

— Хмм... Чтобы её тело и душа обрели покой.

— И чтобы тьма не поглотила души наши.

— И чтобы тьма не поглотила души наши. А тьма... для чего это? Мы разве молимся не высшим силам, почему наши души должна поглощать тьма?

— Дело не совсем в том, что мы молимся высшим силам, госпожа, тьма она повсюду. Никто не знает, как она просачивается в мир, однако последствия мы видим в каждом уголке Элвера. Эти строчки для того, чтобы сохранить равновесие. Мы молимся о здоровье вашей матушки, но небеса могут посчитать, что мы готовы отдать им свои жизненные силы для её восстановления, а это, по легендам, очень хорошая возможность для жителей тьмы завладеть ими. Поэтому эта строчка так же важна, как и все остальные, чтобы и вы оставались здоровы в мольбе о близком. Когда вы болеете, тьме так же проще захватить ваше тело и разум, а так вы предостерегаете и себя в том числе.

Девочка понимающе кивнула, о чём-то задумавшись, а после вновь подняла взгляд на Эльгу.

— Мы ещё не закончили, госпожа, осталась ещё пара строк. Поделись силою своей.

— Поделись силою своей.

— Чтобы тело и душа её смогли справиться с хворью той.

— Чтобы тело и душа её смогли справиться с хворью той.

— Вы молодцы, госпожа. Теперь вы сможете помолиться за здоровье своё и госпожи Гюльвейг, если будете очень взволнованы её состоянием. А теперь ложитесь спать, уже совсем скоро рассвет.

Этерна вновь закуталась в одеяло, поворачиваясь на бок. Её дыхание стало ровным, и она всеми силами старалась заснуть. Эльга забрала свечу и вышла из комнаты, тихо прикрывая за собой тяжёлую дверь покоев юной госпожи и забирая из тёмной, покрытой ночным мраком комнаты последний лучик света, что мог быть проводником во тьме.

Гюльвейг Вергет. Госпожа дома, вдова и владелица второй по величине верфи, была женщиной, что когда-то имела большую внутреннюю силу. Имела свой голос, знала свои права и всегда могла постоять за свою честь. Это была одна из причин, почему она была так сильно любима Дитлевым. Он смотрел на неё и, видя в ней всю эту силу и напористость, сам находил для себя это очень вдохновляющим, что придавало ему сил работать и стремиться к новым свершениям, и рядом с ним она знала, что может быть такой. Ведь он не из тех, кто осудит такое поведение женщины, не из тех, кто станет ставить её на «место» или говорить, что Гюльвейг не оправдала его ожидания. Дитлев был очень любящим мужем, поэтому его потеря так сильно сказалась на госпоже Вергет.

Сначала, пока он ещё болел, она старалась держаться, будучи всё той же сильной морально госпожой и решая всё по мере возможности. Но как только его не стало, самочувствие женщины катилось всё дальше и дальше вниз, проблемы души становились ощутимее. Это было больше похоже на снежный ком, который чем стремительнее и ниже он катится, тем больше он становится.

Состояние Гюльвейг не сильно отличалось: сначала это была простая подавленность, потом перешло в то, что она совсем не хотела жить без него, но держалась за дочку, пессимистичное настроение дошло даже до некоторых слуг, которые так же скучали по господину, что раньше приносил в этот дом так много света, согревая изнутри. Экедел-променад наступил не сразу, лишь спустя несколько месяцев после потери.

Сейчас, спустя уже годы, стало куда хуже. Госпожа знала о том, что она не даёт нормального воспитания Этерне, знала, что совсем забросила дом и он держится лишь на нескольких слугах, которые просто стараются держать его в чистоте. Знала, что запятнала уже как только можно линию их рода, ведь была затворницей, хамкой, не знающей своего места, а также душевнобольной вдовой. И эта непроглядная тьма души заполняла её всё больше, поглощая без остатка. Уже даже начали ходить слухи о том, что, может, это жители бездны сосут из неё естество, наполняя своей силой и пытаясь затащить на их план, ведь она им чем-то задолжала.

В конечном счёте каждый снежный ком, достигая дна или конца своего пути, разбивается вдребезги, распадаясь на маленькие снежинки, оставляя за собой лишь частички света. Так и случилось с госпожой Вергет. Её состояние стало ужасным, она сама для себя решила, что старший брат Дитлева, Сигвальд заберёт Этерну в качестве оплаты задолженностей. Что она теперь по горло в долгах. Женщина была уверена, что у дома нет денег, и корила себя за то, что угробила все труды мужа, говорила уже всем напрямую, какая она дурная госпожа и что она совсем бессильна. Всё больше и больше её состояние походило на безумное погружение в пучины бездны, из которых она не находила даже намёка на свет.

Яркое солнце освещало пространство вокруг поместья, всеми силами пробиваясь сквозь тучи, которые предвещали дождь. Солнце проникало сквозь большие окна, освещая покои юной госпожи. Пятнадцатый день второго месяца сезона бломанейд-анемон и её тринадцатый день рождения. Сегодня был тот самый день, когда она становилась старше.

Этерна, сидя в кресле с обивкой цвета тёмного ультрамарина, с изящными узорами и деревянными элементами, читала книгу, медленно переворачивая страницу за страницей. Шорох листов бумаги был единственным звуком в этой отдалённой комнате, пока где-то вдалеке, на первом этаже, была очень заметная суета, которую, на удивление, контролировала Гюльвейг.

Девушка сидела в тени занавесей, что были приоткрыты. Молодая госпожа сейчас выглядела совершенно иначе, чем та юная леди несколько лет назад. Её ровный и прямой стан был изящен и утончён, волосы цвета вороньего крыла ниспадали с плеч, уже доходя до её аккуратной талии. Руки были худощавыми, а пальцы длинными, они сейчас с пущей лёгкостью переворачивали страницы. До этого более круглые черты лица стали уже, а глаза цвета далёкой глубины обрели более тёмный оттенок. Этерна сидела, сложив ногу на ногу, и локтем одной руки облокачивалась о подлокотник кресла. На ней было тёмное платье с узким вырезом лодочкой, длинные рукава, которые немного прикрывали ладони. Одевание было простым, его подол доходил до щиколоток девушки, а на ногах были аккуратные туфли на невысоком каблуке в цвет платья.

Лицо девушки уже по обычаю ничего не выражало. За это время она научилась контролировать эмоции, не показывать их никому и скорее даже просто считать их ненужными для проявления.

Её покой потревожила служанка и сильный ветер, что она запустила в комнату вместе с собой. Биль, совсем молодая служанка, постучавшись, резким движением руки она открыла дверь.

— Юная госпожа! Госпожа Гюльвейг сказала вам собираться, она хочет прогуляться с вами! — девушка говорила это с таким энтузиазмом и радостью в голосе, что Этерна даже опешила.

Замерев, она не выпускала книгу из рук и продолжительное время смотрела на служанку. Биль радостно, чуть ли не вприпрыжку подошла к ней и, усаживая на стул туалетного столика, начала расчёсывать её волосы, собирая их, чтобы они не мешали и выглядели аккуратно.

— Неужели не радостная новость?! Вы наконец-то выйдете куда-то вместе! Проведёте время, а то столько времени даже носу не казали друг перед другом. Ну же, госпожа! Сегодня ещё и ваш день рождения, такое радостное событие, видимо, поэтому поводу и такая щедрость со стороны госпожи. — голос служанки был наполнен счастьем и воодушевлением, казалось, всё вокруг начинает светиться благом, когда она появлялась рядом.

— А как самочувствие матушки? — Этерна спросила с осторожностью и недоумением в голосе. Она всё ещё не могла поверить в то, что госпожа Гюльвейг, которая всё это время была душевнобольной, которая не хотела её видеть, а иногда и вовсе считала мёртвой, хочет провести вместе время.

Для Этерны это было сродни тому, как посреди улицы будут кричать о том, что старая легенда на самом деле правда и нам лгали всё это время. Такой небылице явно не станешь верить с первого раза.

— М? Состояние госпожи отличное! Сама не поверила, когда сегодня утром она к нам пришла и сказала, чтобы мы подготовили всё для празднования вашего дня. В этом доме так давно не было праздников. А мероприятие в вашу честь и вовсе впервые! Я надеюсь, вы тоже очень рады такой новости! Так... — Биль осмотрела причёску и поправила ещё пару прядей. — Готово, госпожа. Сейчас я принесу вам плащ, и можете отправляться. Хотя нет... в туфлях вам будет холодно, там снова ветер разбушевался, и за что нас архангелы так не любят. Давайте я вам принесу полусапожки.

Этерна не верила своим ушам. «С матушкой всё в порядке» — пронеслось у неё в голове, она прокручивала эту мысль снова и снова, пытаясь уловить истинную суть сказанного, и даже не замечала, что ей после говорила служанка, пропуская слова мимо ушей.

Девушка сидела за столиком, смотря в зеркало. Казалось, она не отводит взгляда в попытке рассмотреть саму себя, но в голове в это время творился полный хаос. Почему матушка раньше не хотела? Почему именно сегодня? Что изменилось? — все эти мысли то и дело крутились у неё в голове, не умолкая.

Молодая служанка тем временем уже достала всё необходимое и накидывала на плечи девушки плащ цвета тёмной морской глубины, который был пришит к воротнику из шерсти серого кролика. Его так же украшали две серебряные броши круглой формы с ботаническим рисунком, которыми он и застёгивался спереди двумя тонкими изящными цепочками в цвет самих брошей.

Биль положила руки на плечи своей госпожи и наклонилась к ней так, чтобы её лицо было рядом, и посмотрела в зеркало сначала на себя, а потом перевела взгляд на Этерну.

— Вы совсем повзрослели, госпожа, ваши черты лица с каждым годом выглядят всё более статно. В вас так много от покойного господина, и это так хорошо, что, несмотря на то, что его сейчас нет рядом с нами, мы можем видеть его в вас.

«Матушка думает совершенно иначе» — подумалось Этерне, и та прикоснулась кончиками пальцев к своей щеке, медленно проводя по коже, а после сжимая руку в кулак и кладя к другой на колени. Девушка сжала зубы и нахмурила брови, её руки с переплетёнными пальцами крепко держали друг друга, пока всё тело чуть сжалось. Она знала. Знала, что напоминает матери об отце, знала, что именно это в какой-то степени является причиной такого состояния, и была уверена, что её присутствие тоже причиняет матушке боль.

— Ну что вы, госпожа, не расстраивайтесь так! Сегодня такой замечательный день, даже солнце вышло порадовать вас и принести благословения этому дню. Поэтому не хмурьтесь так — это не идёт вашему лицу. — Биль провела большим пальцем по лбу госпожи, а после подбежала к комоду, подняла рядом стоящие полусапоги и поднесла их Этерне. — Вот, посмотрите, я считаю, они идеально подойдут к вашему образу.

Биль уже хотела начать снимать обувь молодой госпожи, когда та остановила её, схватив за запястье.

— Не стоит, я сама.

— Но как же, госпожа. Это моя работа...

— Биль... не надо, я сама.

Молодая госпожа дома Вергет привыкла одеваться сама, за недостатком слуг и в моменты, когда им это приходилось делать. Она позволяла укладывать волосы, помогать с платьями, ведь это было достаточно тяжело, но прикасаться к обуви она часто запрещала, предпочитая переобуваться сама. Так и сейчас, юная леди отпустила руку Биль и сама сняла с себя туфли надевая принесённую обувь. Которая, в свою очередь, также была украшена выбитым на ткани ботаническим орнаментом.

— Спасибо за помощь. — голос Этерны был суховат, но тем не менее это звучало скорее необычно, чем привычно для служанки.

— Вам не за что меня благодарить, госпожа, — девушка заметно притихла и погрузилась в мысли от того, что у неё не вышло до конца сделать свою работу. — Итак, идёмте. Я обещала госпоже Гюльвейг, что лично вас приведу.

Этерна кивнула и, поднявшись со стула, бросила беглый взгляд на кресло, в котором сидела до этого, читая книгу, надпись на которой гласила: «Легенды острова Ирендир». Задержав взгляд лишь на пару секунд, юная леди лёгкой поступью и ровной осанкой пошла следом за слугой.

Они быстро прошли мимо комнат и спустились вниз по коридору, оказавшись в холле, где Этерну, по всей видимости, уже ждала Гюльвейг. Она разговаривала о чём-то с Фрейстейном, а за её спиной стоял Вигард, у него на лице было спокойствие, но когда в залу вошла Биль, всем показалось, что что-то в его лице всё-таки изменилось, но не было заметно с первого взгляда.

Этерна подошла к матери и кивнула в знак приветствия. Перед ней стояла женщина уже с видными глубокими морщинами. Её волосы уже были немного тронуты сединой, тело всё так же было худощавым, а под глазами на бледной коже явно были видны тёмные синяки, которые уходили в желтизну. Сон женщины, по всей видимости, так и не был налажен.

Она одета в платье цвета тёмного мха, которое было, как и у Этерны, с длинным рукавом, чуть прикрывающим ладонь, и не много широкой юбкой, доходящей до щиколоток. Плащ был схожим, однако вторил цвету её платья.

— Добрый вечер, матушка. Мне сказали, что вы бы хотели меня видеть и желаете провести со мной время за пределами особняка. Желаете... прогуляться вдвоём. — Уверенным, но тихим тоном произнесла Этерна, которой всё ещё было очень неловко рядом с матерью.

— Добрый вечер, дорогая. Да, я давно не уделяла тебе время, и в честь твоего дня я решила, что совместная прогулка — это очень хорошая идея. Тебе не нравится? — голос Гюльвейг был на удивление ровным и спокойным, хоть и под конец фразы она чуть-чуть завокнулась, думая, что дочери может не понравиться прогуливаться рядом с ней.

— Нет, что вы. Я уже благодарна, что вы удостоили меня честью и уделите крупицу вашего времени для меня. Простите, что подвергла сомнению ваше предложение.

На лице женщины расцвела яркая улыбка, скрывающая за собой лишь одно: очень печальные глаза, что всё то время, пока Этерна была рядом, не сводили с неё взгляда.

— Это счастье для меня. Тогда отправимся. Вигард пойдёт с нами, так как, какая никакая, а охрана нам нужна. И да, Этерна, я бы хотела попросить тебя немного расслабиться. Я вижу напряжение в твоих плечах и голосе. Воспринимай это как просто прогулку матери и дочери, я бы не хотела, чтобы ты сегодня чувствовала себя так напряжённо.

Девушка вздрогнула, от подобного замечания всё сжалось внутри, но Этерна тут же опустила плечи и тихо выдохнула, вовсе не ожидая от матери подобных слов. Кивнув, она подошла ближе и шла рядом с госпожой Вергет, не отставая. Вигард, в свою очередь, находился в шагах шести от них, с тяжестью ступая и осматриваясь по сторонам.

Солнце, что близилось к горизонту, окрашивало небо в множество разных цветов. Яркие жёлтые, похожие на бледные лепестки хризантемы, перетекали в фиолетовые оттенки, напоминающие редкий камень, что лежит в глубине гор. Те, в свою очередь, соединялись с тёмными синими, что отсылали к далёкому космосу. Всё это объединялось в изящной картине, которую дополняли облака, что сейчас чуть разошлись, открывая Этерне и Гюльвейг вид на прекрасный закат, который отражался в морской пучине и был будто бескрайним.

— Мы давно с тобой не прогуливались. Приятно выйти подышать свежим морским воздухом. Я смотрю, учитель, нанятый мной, отлично справляется. Ты очень хорошо держишься и говоришь.

— Благодарю вас, матушка.

— Ты скоро будешь совсем взрослая. Знаешь, я долго переживала о том, что моё дитя не сможет выбрать то направление в работе, которое хотело бы. А в итоге сама не имею даже возможности дать тебе нужное образование. Какая я всё-таки никудышная мать.

Этерна не имела понятия, как она должна отвечать в данной ситуации. Всё, что она могла, — это идти рядом и смотреть под ноги на каменистый берег, который то и дело накрывает небесно-голубыми волнами, а пена расходится, застревая в каменных выступах. Звук каблуков мелким эхом разносился по округе, ветер вздымал плащи дам и играл с выпавшими из причёсок прядями, прохладой обдувая их лица и заставляя поморщиться.

— Что же, я сама позвала тебя на прогулку и сама её порчу подобными разговорами. Давай полюбуемся красивым небом, здесь не так далеко есть небольшой пригорок. С него отлично будет видно.

Этерна кивнула и направилась следом за матерью. Через пару минут они и правда дошли до того самого пригорка и наблюдали, как солнце уже наполовину зашло за горизонт, а небо наполнилось россыпью звёзд, каждая из которых светила очень ярко, будто давая и вселяя надежду на что-то большее. Тёмное небо поглощало свет, забирая у солнца все шансы протиснуть последний лучик света, ведь теперь оно было закрыто плотными свинцовыми тучами, которые предвещали о скорой грозе.

Хоть прогулка и казалась мимолётным мгновением, дольше они провели в тяжёлом молчании, наблюдая за тем, как меняется цикл дня и ночи. Около получаса, потратив в общем на прогулку, Гюльвейг решила поторопиться, ведь тучи становились темнее и тяжелее с каждой секундой.

— Нужно поскорее вернуться, пока мы полностью не намокли. Пойдём, милая.

Женщина взяла Этерну за запястье и повела вниз, подходя к Вигарду, что всё это время молча шёл за ними, зачастую поглядывая лишь вокруг, дабы никакая местная флора и фауна не могли потревожить покой его господ. Когда же дамы прошли мимо, он так же шёл на расстоянии шести шагов.

Баронессы быстрой поступью направились в сторону особняка, хоть прогулка была и недолгой, но в душе Этерны уже начала зарождаться надежда на то, что они будут теперь больше общаться, смогут обсуждать важные темы и просто быть рядом. Как только они поднялись в гору, дошли до поместья и закрыли большие тяжёлые двери, раздался сильный грохот с улицы. Знаменующий, по всей видимости о не шуточном шторме.

Гюльвейг даже вздрогнула от неожиданности, смотря в окно и коротко, незаметно кивая самой себе. Стоя возле стёкл, по которым барабанили сильные капли дождя, она будто оторвалась от реальности и смотрела в никуда полным пустоты взглядом.

У входа господ уже ждала Эльга и помогала снять плащи. Отдав свою накидку, Этерна подошла к госпоже и похлопала её по плечу.

— Матушка? — наполненный волнением и беспокойством голос был достаточно тихим и будто срывался в этой тишине.

Женщина вновь дёрнулась, в этот раз от того, что её вытащили из этого состояния, и мягко улыбнулась дочери. Она сняла плащ и так же отдала его Эльге, после чего стала напротив Этерны, мягко поглаживая её по предплечью и беря её ладони в свои руки.

— Я слышала, что у тебя есть талант в игре на рояле. Литоль много рассказывал мне о том, как талантливы твои руки. Сыграешь для меня?

— Конечно, матушка. — кивок, после которого последовали слова с ошеломлённым тоном.

Руки матери были холодными, в то время как ладони Этерны согревали их своим теплом. Вот только девушка не привыкла к такой близости, из-за чего убрала свои, сделав шаг назад.

Медленной и выверенной поступью она пошла в сторону лестницы на второй этаж, а Гюльвейг шла чуть поодаль, ступая за ней. С ними так же пошла Биль, которая сейчас была невероятно счастлива от событий, которые происходят. Служанка радостно шагала следом за ними, у Эльги были ещё дела, а вот Биль была свободна, поэтому мчалась за ними, полная воодушевления.

Скрип крышки фортепиано разнёсся на всю комнату, Этерна присела на табурет, придерживая юбку, и ожидала, пока матушка присядет на кресло, что стояло неподалёку, по всей видимости — это было место учителя. Рояль стоял рядом с выходом на небольшой балкончик и в ясные дни освещался через него, сейчас же за окном бушевала сильная буря, которой не понадобилось много времени для того, чтобы превратиться в шторм. Приглушённый свет просачивался, но его не хватало поэтому в качестве освещения оставались только свечи. Биль зажгла их достаточно быстро, а так же ками, что тихо потрескивал на фоне, создавая лишь иллюзию уюта в этой комнате.

Этерна тяжело выдохнула подняв руки и мягко положила их на клавиши. То была мелодия, наполненная тоской.

Сильные волны в тяжёлом порыве бьют о скалы. (она определённо подобрала мелодию, которая идеально бы подходила под момент, по её мнению.) Но в мгновение море успокаивается, замерзает, и на землю начинают медленно падать снежные хлопья. Одна за другой, пре-

вращаясь в тихий снегопад. Снежинка падает на чьи-то руки, тая от их теплоты. И вот уже это атмосфера тёплого дома и ночной колыбели перед детской кроваткой.

Последняя нота срывается с изящных пальцев, после чего девушка складывает руки на коленях.

— Тейген Скэль, это его композиция «Возвращение домой». Достаточно старый композитор, но его партитуры имеют особенное звучание. — девушка приподняла уголки губ в еле заметной улыбке, говорить о музыке было одним из тех дел, которым ей нравилось заниматься, хоть она и понимала, что матушка навряд ли во всём этом разбирается.

Гюльвейг, что всё это время заворожённо слушала дочь, начала негромко хлопать, а после подошла к ней.

— Это потрясающе, Этерна. Неужели у нас растёт знаменитый музыкант, который станет известен не только в Колаэхе, но и на весь Элвер.

— Вы преувеличиваете, матушка, мне не нужно столько лести от вас.

— Что ты, я лишь говорю, как думаю на самом деле. Так или иначе, была очень рада послушать твою музыку. Я думаю, ужин уже готов. Было принято решение, что в честь твоего дня будет лучше, если все соберутся и слуги поедят вместе с нами. Что скажешь? Так ведь будет намного праздничнее и торжественнее?

Этерна уже не могла скрывать эмоции, поэтому не сводила с матери удивлённый взгляд и медленно, очень нерешительно кивнула. В этот момент издали послышался сильный шморг. Биль, уже успела расплакаться из-за музыки и вытирала слёзы манжетом.

— Простите, просто сыгранная вами мелодия была такой грустной, я не смогла удержать слёз.

Снова с силой вздохнув, служанка вытерла лицо, а Гюльвейг и Этерна лишь мягко улыбнулись, смотря на неё. Как только девушка поднялась с табурета, все троём направились в сторону столовой. Там уже всё было накрыто и творился, мягко говоря, полный хаос.

Хеймдаль громко рассказывал какую-то невероятную историю, а садовник с поваром старались внимательно его выслушивать. Эльга что-то ещё уточняла у Фрейстейна, а другие две служанки, не дождавшись Биль, выбрали себе места и уже обсуждали, что они хотят съесть. Скади получал выговор от конюха Рихарда за то, что не дождался господ и успел уже стащить какую-то сладость со стола. Вигард, что тоже слушал Хеймдаля всё это время, быстрым шагом подошёл к Биль, когда увидел её заходящую в комнату с заплаканным лицом. Он мягко тыльной стороной ладони коснулся её щеки, вытирая слёзы. После интересуясь, почему та плакала, но расспросы не увенчались успехом, ведь служанка лишь пустила водопад из слёз. От которого мужчина очень сильно разволновался и не мог найти себе места.

Молодая госпожа Вергет подошла к столу, усаживаясь по правую сторону от стула главы дома. Комнату освещало множество свечей, она по-настоящему казалась самым тёплым местом сейчас в этом особняке, стол был наполнен разными вкусностями, а существа, что находились в комнате, преисполнены счастьем. Как только за стол села и Гюльвейг, господам было уже не отделаться от внимания Хеймдаля, который начал расспрашивать их, рассказывать что-то и шутить. Иногда ему прилетало от Вигарда, который, сидя с серьёзным лицом, лишь изредка отпускал шутки в сторону друга. А также доставалось и от Рихарда с Фрейстейном, те чуть ли не в голос говорили об уважении к аристократии, только вот если конюх просто отдёргивал замечания, то, если возмущался дворецкий, зал слушал целую лекцию о том, как важно ценить и уважать вышестоящих.

Так или иначе, этот ужин сопровождался множеством рассказов, возгласов, и время, проведённое тогда, казалось сладким сном. Ведь чтобы весь дом сидел вместе, что-то обсуждал и шутил, такое было впервые. Этерна искренне наслаждалась этим временем, проведённым рядом с близкими людьми, которые всё это время были рядом с ней.

Но что-то в этом вечере всё же оставалось осадком и горьким привкусом. Некоторые фразы, слетевшие с уст слуг, какие-то действия и что-то ещё... что-то, что заставляет почувствовать уже неприятную сладость, тянущуюся и излишне приторную.

Когда ужин закончился, все свечи были потушены, а комната убрана, Гюльвейг позвала Этерну в холл. Она стояла и ждала её в центре залы, внимательно смотря на их общий с Дитле-вом портрет, который висел над ступенями на второй этаж. Взгляд госпожи Вергет ощущался так, будто мы заглядываем в глубокую морскую пучину, где не видно ни конца, ни края. Комната освещалась лишь изредка вспыхивающим светом от молний за высокими окнами.

Девушка осторожно подошла к матери, спустившись со ступеней. Она ходила в комнату для того, чтобы уже переодеться ко сну, и только после этого пришла в холл. Гюльвейг, в свою очередь, оставалась во всё той же одежде, что и с самого утра. Она взяла дочь за обе руки и опустила голову.

— Прости меня, Этерна, я искренне хочу попросить у тебя прощения за всё, что я сделала. За то, что я позволила сотворить с тобой, за то, что относилась к тебе так халатно, за то, что не позволяла тебе многое, и за то, что остаюсь жива. Я всё ещё боюсь, что они в какой-то момент заберут тебя! Боюсь, что не смогут оставить нас в покое! *Я ужасная мать...* как я могла подвергнуть тебя такой участи, я просто не могу отдать тебя им на растерзание. Прошу... пойдём вместе со мной. Мы сможем закончить эти страдания. *Да, так будет лучше.* Возможно, даже после белоснежного лабиринта мы сможем встретиться с папой... ты ведь никогда его не видела. Уверена... мы сможем начать новую... более радостную жизнь втроём. — голос Гюльвейг в какой-то момент сошёл на громкий плач, и слова говорились между глубокими всхлипами.

— Матушка... о чём вы? Что вы сделали? Куда пойти? — лицо Этерны наполнилось растерянности, а в груди всё сжалось от боли. Она была уверена, утром всё было хорошо, что матушка больше не поднимет эти темы, но вот она стоит перед ней и проливает множество слёз, говоря обо всём сразу. Из-за чего девушка уже сама путается в её мыслях и, полная растерянности, не знает, что сделать, чтобы та перестала плакать.

— *О том, что нам больше нельзя тут находиться, они обязательно найдут нас, убьют и тебя, и меня, они не смогут... не смогут оставить нас в покое, пойдём. Мы обязательно встретимся с отцом. Я не смогу больше терпеть эти дни... не смогу... так будет лучше для нас, для тебя...* — голос женщины уже вовсе не звучал как тот, с которым говорил обычный делгал, он был наполнен грустью, отчаянием, она уже не видела надежды ни в чём и ни в ком, она была точно уверена, что сейчас поступает правильно и это единственный выход из ситуации.

Отпустив лишь одну руку девушки перехватив за запястье, женщина потащила её к выходу из поместья и, распахнув двери, сделала шаг на улицу. Сильный ветер с дождём вмиг обдал их порывом, из-за чего обе вымокли и продрогли, а двери начали ходить ходуном. Порыв воздуха даже поднял занавеси, которые безвольно под напором колыхались у окон.

Этерна пыталась отпираться и вытащить своё запястье из руки матери, но это казалось бесполезным. Хватка Гюльвейг сейчас казалась монолитом, тем, что не отпустит, сколько ты ни старайся. Женщина тащила девочку за собой, всё ближе подходя к берегу, где бушевал уже более спокойный шторм, чем до этого, но так или иначе он оставаясь опасным.

По дороге она продолжала бормотать: — *Так будет однозначно лучше. Прости свою никудышнюю мать. Так будет лучше и для тебя, и для меня. Скоро мы встретимся с ним. Мы обязательно обретём покой. Ты сможешь начать новую жизнь. Так будет лучше для всех.*

Этерна сдалась лишь в тот момент, когда они уже спустились с горы, на которой находилось их поместье. Она безвольно шла следом, позволяя матери тянуть её за руку. Её слова так или иначе отпечатывались и на Этерне, она начинала в них верить. Они начали поглощать её

с каждой секундой, а надежда, что появилась сегодня, угасла в мгновение, отдавая власть всепоглощающей тьме. Из-за которой на уже безэмоциональном лице Этерны появились слёзы.

Они вместе начали подходить к берегу, стук их каблучков поглощался громовыми раскатами и звуком бьющихся о скалы волн, что снова и снова напоминали об опасности морской пучины. Гюльвейг повернулась к дочери и взяла её за руку лишь тогда, когда они зашли в воду по щиколотку. Обе, стоящие в ледяной океанской воде, были насквозь промокшие от сильного ливня. Одежда прилипла к телу, а волосы, свисающие слипшимися сосульками, прилипали к лицу. Голова госпожи Вергет была всё так же опущена, и она бормотала что-то невнятное, что-то, что было слышно только Этерне.

Девушка кивнула на слова матери и сделала шаг вперёд вместе с ней. Шаг, ещё шаг, крепкие объятия, в которых мать с силой прижалась к дочери, сжимая её одежду. Этерна успела лишь поднять дрожащие руки, перед тем как их обоих захлестнула мощная волна, которой они поддались. Баронесса почувствовала, как руки матери расслабляются и отпускают её, как воды поглощают тело. Юная госпожа пыталась сопротивляться, но получалось это с трудом: вода была сильнее, а плавать она не умела. Взгляд затуманился, а душа ощущалась пустой. Неужели так закончится её жизнь? Её тринадцатый день рождения? Очередным приступом матери, который завершился непоправимым поступком.

Погружаясь в воду, которая с силой тянула её на дно, она ощущала, как начинает терять всё больше воздуха. Руки, которые она видела перед собой, стали расплываться. Сознание теряло последнюю связь с реальностью, и всё вокруг становилось всё более бессмысленным.

Свет рыжих локонов осветила луна, а Этерна почувствовала тепло чьей-то руки у себя на запястье. Сильная и уверенная хватка потянула её к себе, когда девушка уже вовсе потеряла надежду. Сознание ещё было при ней, вот только она с трудом понимала, что происходит, когда её вытащили из воды и приподняли на руки. Грудью она прижималась к тёплому женскому телу, а размытым взглядом видела лишь спину и кудрявые локоны, которые поблёскивали в свете ночного светила будучи мокрыми. Крепкие руки придерживали её за спину и под ягодицами. Этерна слышала тяжёлое дыхание и чувствовала, с каким трудом женщина перебирала ногами, сопротивляясь воде. Девушка слышала бормотание у себя под ухом — это был мягкий и низкий женский голос. Вот только она не смогла разобрать ни слова из-за звона в ушах.

Крайнее, что она помнила, — это размытая картинка обеспокоенного лица женщины, которая, по всей видимости, пыталась привести её в чувство, и последняя невысказанная мысль в голове:

«Кто вы?»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.